

НАРОДЫ и КУЛЬТУРЫ

Таджики

УДК 39
ББК 63.5
Т136

Ответственный секретарь серии «Народы и культуры»
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук В.В. ТРЕПАВЛОВ,
доктор исторических наук Р.Я. ШАРИФОВ,
доктор исторических наук Л.А. ЧВЫРЬ

Таджики / отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджонова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. – М. : Наука, 2021. – 1005 с. – (Народы и культуры) – ISBN 978-5-02-040840-1

Коллективная монография «Таджики» – очередной том издаваемой ИЭА РАН многотомной серии «Народы и культуры» (проект разработан Институтом этнологии и антропологии РАН в 1992 г.). Данный труд представляет собой фундаментальное обобщение исторических, этнографических, демографических, антропологических материалов по таджикскому народу, как полученных в последние годы, так и опубликованных до настоящего времени. Подготовлена авторская карта расселения таджиков по имеющимся статистическим источникам, включая последнюю Перепись населения РФ. Привлечены данные разных лет как российских, так и таджикских научных организаций, характеризующие различные исторические эпохи. Это и иллюстративные материалы, служащие ярким и ценным источником информации. Книга содержит достоверные знания по вопросам происхождения таджикского народа, его расселению, особенностям жизнедеятельности, основным занятиям, жилищу, одежде, системе питания, обрядам, обычаям, праздникам, народному творчеству. Специальное внимание уделено изучению таджикской диаспоры, в том числе на территории Российской Федерации. Подобное обобщение этнографических, антропологических и исторических данных о таджиках ранее не проводилось.

Для этнологов, антропологов, историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-040840-1

- © Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2021
- © Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, 2021
- © Коллектив авторов, 2021
- © Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, иллюстрации, 2021
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Народы и культуры» (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2021
- © ФГУП Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

Глава 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Изучение этнографии таджиков в новейшее время (1918–2019) (<i>А.В. Валиев</i>)	11
Среда обитания (<i>Х.М. Мухаббатов</i>)	27
Освоение древними популяциями территорий Центральной Азии (<i>Т.Г. Филимонова</i>)	46
Антропологические сведения (<i>Н.А. Дубова</i>)	60
Древние и средневековые языки Среднего Востока (<i>П.Б. Лурье</i>)	100
Таджикский язык и его развитие (<i>С. Назарзода</i>)	123

Глава 2

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Происхождение этнонима «таджик» (<i>А.Н. Мухаммад</i>)	151
Арийская проблема в контексте изучения этнической истории (<i>Н.Дж. Ходжаева</i>)	163
Этнополитическая история в раннее Средневековье (I–VIII века) (<i>В.С. Соловьев</i>)	170
Таджики в IX–XIX веках (<i>А. Саидов, З.М. Мадамиджонова</i>)	189

Глава 3

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйственно культурные типы в конце XIX – начале XX века (<i>Р.М. Абдулвахидов</i>)	201
Земледелие (<i>Т.С. Каландаров</i>)	220
Скотоводство (<i>А.Н. Ямсков</i>)	241
Ремесла, промыслы и народное изобразительное искусство (<i>Л.Н. Додхудоева</i>)	264
Ювелирное дело (<i>З. Умарова</i>)	308
Зарождение и эволюция текстильного производства таджиков (<i>М.Ф. Ибрагимов</i>)	333

Глава 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Монументальная историческая архитектура (<i>Р.С. Мукимов</i>)	369
Поселения и жилища (<i>Р.Г. Мурадов</i>)	393

Пища и система питания (<i>М. Шовалиева</i>)	434
Одежда (<i>М.Ф. Ибрагимов, Д.К. Раджабова</i>)	458
Средства коммуникации (<i>З.М. Мадамиджонов</i>)	490

Глава 5

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Общественные институты (<i>З.М. Мадамиджонов, В.И. Буиков</i>)	503
Семья и семейные отношения (<i>З.М. Мадамиджонов, З. Юсуфбекова</i>)	523
Семейно-бытовой этикет (<i>М. Шовалиева</i>)	532

Глава 6

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Свадебная обрядность (<i>З. Юсуфбекова, З.М. Мадамиджонов</i>)	539
Родильная обрядность (<i>З. Юсуфбекова, М. Шовалиева</i>)	555
Похоронно-поминальная обрядность (<i>М. Файзулаев, З.М. Мадамиджонов</i>)	566
Календарные обряды и праздники (<i>З.М. Мадамиджонов, М. Шовалиева</i>)	576

Глава 7

РЕЛИГИЯ

Зороастризм (<i>В.Ю. Крюкова</i>)	591
Культовая архитектура (<i>Р.С. Мукумов</i>)	598
Ислам в духовной культуре таджиков (<i>Г.Дж. Мирзоев</i>)	613
Исмаилизм (<i>Т.С. Каландаров</i>)	624

Глава 8

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Традиционный театр (<i>Н.Х. Нурджанов</i>)	641
Традиционная музыкальная культура (<i>Б.Т. Кабилова</i>)	659
Шашмаком – жемчужина музыкального наследия народа (<i>А. Низамов</i>)	684
Народные игры и развлечения (<i>З. Юсуфбекова, Л.Н. Додхудоева</i>)	697
Метрическая система (<i>В.В. Дубовицкий</i>)	709
Народная медицина (<i>Ю.Н. Нуралиев</i>)	719
Астрономические представления (<i>М.Г. Никифоров</i>)	728

Глава 9

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Этнодемографические процессы (<i>А. Хайдаров</i>)	750
Социально-профессиональная структура (<i>Г. Кахаров</i>)	769
Формирование таджикской национальной идентичности (<i>П.Д. Шозимов</i>)	782
Миграции и этнодемографическое развитие в конце XIX – XXI веке (<i>К. Абдуллаев</i>)	802

Глава 10

ТАДЖИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Таджики Китая (<i>А. Саидов</i>)	818
Таджики Афганистана (<i>Р. Махмадиев</i>)	831
Таджики Узбекистана (<i>Р. Махмадиев</i>)	847
Таджики России (<i>Р. Махмадиев</i>)	849

Таджики Кыргызстана (<i>Р. Махмадиоев</i>)	852
Таджики Казахстана (<i>Р. Махмадиоев</i>)	853
Таджики Канады (<i>Р. Махмадиоев</i>)	856

ГЛОССАРИЙ

(<i>Н.А. Дубова, З.М. Мадамиджоновна, Л.Н. Додхудоева</i>)	858
--	-----

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	901
---------------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	902
---------------------------	-----

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	995
----------------------------------	-----

СПИСОК АВТОРОВ	997
-----------------------------	-----

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКОВ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ (1918–2019)

Русские дореволюционные исследователи собрали ценный материал об этнической истории, хозяйственной деятельности, материальной культуре таджиков в конце XIX – начале XX в. Однако глубокое, всестороннее и научное исследование материальной и духовной культуры населения республики началось после установления Советской власти на земле таджиков (Валиев, 2013).

1920–1940 гг. После революции перед учеными открылись новые возможности для научной работы и в то же время перед ними были поставлены новые задачи. Важными задачами были не только изучение разных сторон культуры и быта населения, но и подготовка специалистов-этнографов из представителей коренных народов, живущих в Центральной Азии, в том числе и таджиков. Этот процесс начался с самого начала этнографических исследований в Таджикистане. К концу XX в. сформировалась своя, таджикская, этнографическая научная школа.

Одним из первых о задачах этнографии таджиков заговорил профессор И. И. Зарубин в своей записке, которую он представил в Отделение истории и филологии Академии наук СССР в 1925 г. В ней справедливо указывалось, что в предшествующий период гораздо полнее оказались изучены культура и быт таджиков верховьев Пянджа, говорящих на самостоятельных языках, и гораздо меньше собрано материала по собственно горно-таджикским районам. Были сформулированы новые актуальные задачи, касающиеся исследований во всех районах Таджикистана (Зарубин, 1926в). Затрагивались вопросы выявления ареалов распространения особенных элементов материальной и духовной культуры, изучения типов жилища, средств передвижения, степень сохранности традиционного календаря и представлений, связанные с земледелием, а также система верований.

Этнографическое изучение Таджикистана практически началось с середины 1920-х годов при финансовой поддержке правительственных органов,

Г. Ходжент. М. С. Андреев у переправы через Сырдарью. 1915 г.
ИИАЭ НАНТ Кол. № 1(27)-268

когда были сформированы ряд экспедиций (*Кисляков*, 1951б. С. 58), которые проводились учеными Москвы, Петрограда (Ленинграда) и Ташкента. Так, в 1921 г. в Ташкенте при Совете Народных комиссаров Туркестанской АССР была создана «Научная комиссия по обследованию коренного населения Туркестана». В число ее членов вошли: А. Э. Шмидт, Н. Р. Маллицкий, А. А. Диваев и М. С. Андреев. Были предложены две экспедиции: одна в Сыр-Дарьинскую, другая в Самаркандскую области. Руководителем Самаркандской экспедиции, длившейся полтора месяца, был крупный знаток таджикской культуры М. С. Андреев. В нее также входили Н. А. Буров, Е. М. Пещерева, А. Л. Троицкая и Э. А. Шмидт. Результаты работ Самаркандской экспедиции показали, что Самаркандская область делится на две резко различающиеся части: долина р. Зерафшан и «дашт» («степь») – все нагорное пространство, куда не может быть поднята вода.

В том же году М. С. Андреев и Е. М. Пещерева осуществили поездку в Самаркандскую область для составления этнографической карты Средней Азии. Три года спустя исследователи посетили Матчу, Ягноб, Гиссар и Каратегин (*Андреев*, 1924). В 1925 г., уже после образования Таджикской АССР М. С. Андреев и Е. М. Пещерева организовали большую поездку по трассе Ташкент–Фальгар–Ягноб–Душанбе–Каратегин–Вахш–Вандж–Язгулем–Хорог–Ош–Ташкент. В 1925 г. М. С. Андреев совершил поездку в Афганистан для изучения жизни и быта таджиков этой страны (*Андреев*, 1927б).

С середины двадцатых годов начинает работать Среднеазиатская этнологическая экспедиция АН СССР, возглавляемая академиком В. В. Бартольдом, практическим руководителем которой был И. И. Зарубин. Один из отрядов этой экспедиции, также работавший под руководством И. И. Зарубина, исследовал Ягноб, Фан, Матчу и Фальгар, а также посетил Самарканд и Ура-Тюбе. Члены отряда собирали материал по широкому кругу вопросов, в том числе по жилищу (Г. Г. Гульбин). Основной материал, собранный отрядом, остался неопубликованным, кроме отчета его руководителя. В отчете, наряду со многими сторонами быта, вкратце охарактеризованы основные черты жилища Ягноба, Фана, Матчи и Фальгара, а также прослежены его параллели с жилищем других районов Средней Азии. Ура-Тюбинская экспедиция 1925 г., осуществленная этнографами М. С. Андреевым, Е. М. Пещеревой и фотографом В. О. Вырвинским, занималась сбором этнографических материалов: фотографировала интересные антропологические типы таджиков и узбеков, собирала различные предметы быта для Среднеазиатского музея. Было собрано большое количество различных керамических изделий. Члены экспедиции также всесторонне исследовали селения Матчи. В г. Ура-Тюбе была собрана большая коллекция орнаментированной керамики и предметов быта.

Основной анализ материалов, собранных М. С. Андреевым, за исключением небольшого их числа, вошедших в опубликованные работы (*Андреев*, 1925, 1927в, 1928а, б), был сделан А. К. Писарчик и сотрудниками Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана. Эти данные были опубликованы только в 1970 г. (*Андреев*, 1970). В 1927 г. М. С. Андреев вновь посетил Ягноб. В 1928 г. он работал в северных районах таджикской оседлости. А в 1929 г. им подробно изучались таджики долины Хуф. Первые исследования в этих местах, затерянных в памирских горах, М. С. Андреев начал еще в 1901 г., когда первый раз посетил эти места.

Трудолюбие энциклопедиста-этнографа М. С. Андреева и его коллеги и знатока среднеазиатских народов Е. М. Пещеревой позволило добыть бесценные материалы по этнографии таджиков Верхней Матчи. В 1924–1928 гг. эти исследователи совершили ягнобские экспедиции, в первую очередь для изучения фольклора. Позже эти записи легли в основу издания Ягнобских текстов и словаря ягнобского языка. Е. М. Пещеревой были собраны также сведения по таким этнографическим темам, как молочное хозяйство, домашние промыслы, семейный быт, а также некоторые сведения по земледелию и землепользованию, скотоводству, заготовке кормов, а также по ономастике. Частично эти материалы вошли в работу М. С. Андреева «Материалы по этнографии Ягноба» (1970), а также изданы в виде статей, посвященных женскому гончарству, детской игрушке, а также молочному хозяйству (*Пещерева*, 1927а, 1957а, б, 1959). Эти материалы, касающиеся, как материальной культуры (жилище, древняя архитектура, гончарное производство, выработка железа, молочное хозяйство и др.), так и вопросов духовной составляющей культуры (древнейшие верования и представления, земледельческие культы и праздники, культ мазаров, фольклор, в том числе детский, изобразительное искусство), а также некоторых аспектов социальных отно-

шений и приемов народной медицины, явились серьезной базой для изучения этнографии населения Ягноба (*Кисляков*, 1951б. С. 59).

В 1932 г. в Таджикистане была открыта Научная База Академии наук СССР под руководством академика С. Ф. Ольденбурга и организована Таджикская комплексная экспедиция (ТКЭ). В задачи последней входило изучение колхозного быта, труда и роли в хозяйстве таджикской женщины, вопросов социалистического переустройства кишлака, борьбы с феодально-байскими пережитками и т.п. Летом 1932 г. в Гармской области работал отряд этой экспедиции под руководством С. М. Абрамзона. В отряд входили врач-антрополог В. В. Гинзбург, молодые востоковеды А. З. Розенфельд, Е. Крючков и др. Исследователями был собран значительный материал об изменениях в быту и культуре населения, которые произошли в Гармской области в первое десятилетие существования Таджикской Республики.

В 1930 г. изучение этнографических особенностей таджиков Каратегина и Дарваза начал Н. А. Кисляков. В 1930–1933 и 1935–1936 гг. он проводил стационарные этнографические исследования в долине реки Хингоу (главным образом в верховьях долины, в Вахио Боло), где, помимо других вопросов, изучал пережитки древних общинно-родовых и семейных отношений. Позже он был командирован в долину Ванджа для изучения сохранившихся больших патриархальных семейных общин. По результатам исследований им был опубликован целый ряд важных работ (*Кисляков*, 1934, 1935, 1936а, 1936б, 1936в, 1937, 1939, 1947б, 1949). В этом же направлении вел работу А. И. Кондауров, который посвятил свои исследования пережиткам патриархальной общины, общинным домам и различным общинным навыкам у ягнобцев (*Кондауров*, 1935а, б, 1940). Семейно-брачные отношения у таджиков в верховьях Пянджа изучали М. С. Андреев (1949) и А. К. Писарчик (1948, 1949), у таджиков г. Самарканда – О. А. Сухарева. Будучи большим знатоком быта и весьма тонким наблюдателем, она направила свои научные интересы на исследование вопросов социальной жизни. Одними из самых актуальных для нее были вопросы семьи и семейных отношений у таджиков равнин и городов. Также много усилий О. А. Сухарева приложила к сбору сведений о пережитках доисламских религиозных верованиях среди равнинных таджиков. В 1939 г. она защитила кандидатскую диссертацию на эту тему. Работая в Самаркандском учительском институте, по результатам своих наблюдений она опубликовала целую серию статей, впервые в научной литературе описала обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка (*Сухарева*, 1928, 1929, 1939, 1940).

В этот же период большой интерес проявляется к фольклористике, появляются важные работы А. Н. Болдырева (1936, 1938, 1948). Над изучением фольклора работали также и таджиковеды-лингвисты Б. Ниязмухамедов (1945), А. З. Розенфельд (1940, 1948), К. А. Благовещенский, С. Улуг-заде и писатель А. Дехоти (1947).

А. К. Писарчик и М. С. Андреев в 1937 г. проводят экспедицию в Нурату и Маргелан, продолжая исследования материальной и духовной культуры таджиков. Собранные ими сведения включали этнографические коллекции по нуратинским вышивкам, газнанским мраморным изделиям, а также об-

разцам архитектурного декора. А. К. Писарчик прожила в Нурате, в семье братьев Абдурахимовых полгода. Она окунулась в жизнь традиционной таджикской семьи, познала все тонкости семейного быта. Одновременно она проводила большую собирательскую работу, приобретала экспонаты для музейных коллекций. Тогда были собраны материалы, которые стали источником для подготовки работ, посвященных в том числе нуратинской вышивке и женской одежде (*Писарчик, 1979, 2003*).

Перед учеными того периода стояли и вопросы антропологического исследования таджиков. Издается монография В. В. Гинзбурга «Горные таджики» (1937), где дан анализ антропологических, демографических сведений, характеристика кишлаков и жилищ, а также и вопросов заболеваемости населения и др. Е. М. Пещерева в 1940 г. занималась сбором материалов по ремеслам Сталинабада (Душанбе) и Каратага. Эта тематика стала основным объектом научно-исследовательской деятельности ученого. Огромную работу проделала Е. М. Пещерева при изучении гончарного производства таджиков, как в горах, так и на равнине. Спектр ее интересов был широк. Интересовала не только техника производства, но и социальные аспекты ремесла: деятельность цехов, их структура, система обучения, существование многочисленных культов и поверий. Все это она изучала, вникая в реальную практическую деятельность гончаров (*Пещерева, 1947*).

10 ноября 1940 г., с преобразованием Таджикской Базы в Таджикский филиал АН СССР, научная жизнь Таджикистана выходит на новый уровень. Тогда же начал свою работу Институт истории, языка, литературы и фольклора Таджикского филиала АН СССР, одной из задач которого было осуществление этнографических исследований. В 1943 г., несмотря на трудности военного времени, этот институт организовал экспедицию под руководством М. С. Андреева в верховья Пянджа, главной целью которой было изучение хозяйства, материальной и духовной культуры, а также семьи и семейных отношений таджиков. В состав экспедиции входили А. К. Писарчик, Е. А. Мончадская, художница Т. В. Саглина. К участию в изысканиях были привлечены два шугнанца – уроженцы Дарморакhta (Припянджский Шугнан), учитель и поэт Тилло Пулоди и работавший в советском аппарате С. Худойбердиев. В долине Хуф и ряде других районов были собраны новые дополнительные сведения о быте, хозяйственной деятельности, о земледелии, животноводстве, промыслах, семейных обычаях, обрядах, верованиях и суевериях. Было приобретено свыше 350 предметов – орудия труда, предметы местных промыслов, украшения и пр. Часть их вошла в фонды Музея этнографии Института истории, археологии и этнографии АН РТ, а другая – Национального музея Таджикистана.

В эти же годы Н. Н. Ершовым в Гармской области собирались материалы по народной медицине (*Ершов, 1968, 1970*), а Е. М. Пещеревой – по женскому гончарству и искусству (*Пещерева, 1947*).

После окончания войны этнографическая работа в Таджикистане возобновилась в более широком объеме. В этнографические исследования включились специалисты как Таджикистана, так и ученые Москвы, Ленинграда и Ташкента. Например, в 1945 и 1946 гг. Е. М. Пещерева занималась сбором материалов по гончарному производству и по детскому фольклору в Каратегии-

не и Гиссар; С. П. Русаякина из московского Института этнографии АН СССР (ИЭ АН СССР) в 1946 г. в Каратегине изучала таджикский национальный костюм. В 1947 г. в Каратегине и Дарвазе работала фольклорная экспедиция Таджикского филиала (Н. Н. Ершов, Е. М. Пещерева, С. П. Русаякина, Н. А. Кисляков и О. Л. Данскер). В 1947–1948 гг. проводились исследования в Язгулеме и Дарвазе (Н. А. Кисляков, С. П. Русаякина, Л. Ф. Моногарова, О. Л. Данскер и архитектор В. Л. Воронина), среди таджиков Бухары и Ферганской долины материал собирала Е. М. Пещерева, в Пенджикенте работал Н. А. Кисляков. Начиная с 1945 г., этнографическое изучение локайцев стала проводить научный сотрудник ИИЯЛ ТФ АН СССР Б. Х. Кармышева (Кисляков, 1951б. С. 64). По итогам работы экспедиции С. П. Русаякина опубликовала статью «Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области» (1949), в которой рассматривает национальную мужскую, женскую и детскую одежду горных таджиков. Л. Ф. Моногарова (ИЭ АН СССР) в статье «Язгулемцы Западного Памира» описывает жизнь и быт жителей Западного Памира (1949).

В 1945 г. был издан сборник «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», в котором помещены фундаментальные статьи В. В. Струве, М. С. Андреева, Н. А. Кислякова. В статье В. В. Струве «Родина зороастризма» рассматривается история происхождения этой религии и родина ее возникновения. В статье М. С. Андреева даются материалы по таджикскому языку, а в работе Н. А. Кислякова освещена история Каратегина, Дарваза и Бадахшана. Надо отметить и статью А. Е. Маджи «К истории феодального Ходжента», в которой даются краткие сведения об истории города, его кварталов. По данным автора, в позднесредневековом Худжанде было 84 квартала, 25 из которых являлись ремесленно-торговыми. В конце статьи дается план кварталов средневекового города.

В 1948 г. этнографами Таджикистана была начата грандиозная работа по сплошному этнографическому обследованию территории республики. Ставилась задача произвести за возможно более короткий срок всестороннее предварительное этнографическое обследование по единой программе, что позволило бы дать оценку накопленного материала и выявить новые аспекты исследований, которые смогли бы показать древнейшую культуру таджиков и протянуть нить к современности.

Эти материалы показали быт народа, дали подробную сравнительную характеристику таджиков и национальных меньшинств республики, уточнили границы историко-культурных регионов, обобщили собранные материалы для составления историко-этнографического атласа и, наконец, позволили сделать ряд выводов по этногенезу изучаемых народов.

Работа была начата с Кулябской области (1948–1949). В ней принимали участие научный сотрудник Б. Х. Кармышева (1948–1949), аспиранты М. Р. Рахимов (1948–1949) и Н. Х. Нурджанов (1948) и др. За два первых года было осуществлено сплошное этнографическое обследование всех районов области, установлены национальный и родоплеменной состав их населения и собраны материалы, характеризующие дореволюционный и современный быт населения, историю его сложения, хозяйственную деятельность, семейный быт, социальные отношения, верования и пр.

А. К. Писарчик и Н. А. Кисляков за дастарханом. 1960-е годы.
Архив ИИАЭ НАНТ

1950–1960-е годы. В 1951 г. Институт истории, языка, литературы и фольклора был переименован в Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) АН ТаджССР, где создается самостоятельный сектор этнографии, ставший центром этнографической науки и подготовки местных специалистов-этнографов. Этнографическое изучение населения Таджикистана в 1950-е годы достигло заметных успехов благодаря энтузиазму и кропотливой работе русских ученых-этнографов, которые проявляли пристальное внимание к местному населению, стремились войти с ним в контакт, завязать дружеские отношения. В сложении таджикостанской этнографической школы огромную роль сыграли первые наставники этнографов-таджиков – М. С. Андреев, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, О. А. Сухарева. Особое место в этой плеяде этнографов-таджиковедов занимает А. К. Писарчик, чей опыт, знания и требовательная помощь помогли ее товарищам, ученикам и младшим коллегам в их трудной и интереснейшей работе.

Исключительное внимание и глубокие исследования наследия таджиков и других народов Таджикистана в полной мере проявляли известные русские этнографы М. С. Андреев, Н. А. Кисляков, Н. Н. Ершов, Е. М. Пещерева, Б. Х. Кармышева, З. А. Широкова, О. А. Шibaева, А. К. Писарчик и др. Они стояли у истоков таджикской этнографии, посвятили многие годы творчества исследованиям материальной и духовной культуры таджикского народа, изучению сельского хозяйства. В своих работах они показали мудрую систему водопользования для горного земледелия, изучали ремесленное производство, домашние промыслы, народную медицину и т.д.

Сплошное этнографическое обследование республики, начатое в 1948–1949 гг., было продолжено на всей территории Таджикистана и за его пределами (*Ершов, Писарчик, 1952*). Этнографическая работа была осуществлена в 1952–1957 гг. в Каратегине и Дарвазе. В 1958–1966 гг. проведены полевые работы в группе районов, расположенных по верхнему течению Зеравшана: Матчинском, Айнинском и Пенджикентском, а также зоне затопления Ну-рекской ГЭС (1963–1966 и 1969).

По материалам этих экспедиций написан и опубликован ряд статей и монографий, в том числе коллективный труд «Таджики Каратегина и Дарваза» в трех выпусках (1966, 1970, 1976), Исследования показали, что таджики Каратегина и Дарваза являются автохтонным населением этих территорий и их культура – культура оседлых земледельцев. В экспедициях участвовали: Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Р. Л. Неменова, Н. Х. Нурджанов, А. К. Писарчик, М. Р. Рахимов, М. А. Хамиджанова, З. А. Широкова. Материалы этих экспедиций также легли в монографию «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана» (1973).

С 1952 г. было начато сплошное этнографическое обследование Гармской области. Этому послужило то, что из нее в течение предыдущих лет происходило массовое переселение горных таджиков на осваиваемые земли в равнинах Южного Таджикистана – в Вахшскую долину. Предварительный отчет о работе Гармской этнографической экспедиции был опубликован в Докладах АН ТаджССР (*Неменова, 1953*).

В 1952–1953 гг. были обследованы и производился сбор полевого материала районов бассейна реки Сурхоба – Вахша. Работы 1952–1953 гг. по сплошному этнографическому обследованию Гармской области проводилось под общим руководством д.и.н. Н. А. Кислякова, начальником отряда был Н. Х. Нурджанов (*Нурджанов, 1953в*), участвовали в экспедиционных работах М. Р. Рахимов, Б. Х. Кармышева, филологи Р. Л. Неменова, Ю. И. Богорад и А. З. Розенфельд (1953) и др. В 1954 г. перед экспедицией стояла задача завершить полевое этнографическое обследование Дарваза – на правом берегу р. Пяндж и частично в бассейне р. Хингоу. Экспедиция, руководимая А. К. Писарчик, работала в составе трех отрядов: Дарвазского этнографического (начальник отряда Н. Н. Ершов), Дарвазского искусствоведческого (Н. Х. Нурджанов) и Джиргитальского этнографического (Б. Х. Кармышева) (*Писарчик, 1954б*).

В 1954 г. экспедицией были начаты работы по изучению народной песни. На пленку было записано около 100 песен: женских, лирических, шуточных, сатирических, обрядовых. Было сделано несколько записей женской игры на варгане (*чанг*). Помимо записей песен, собирались сведения об исполнителях, о музыкальных инструментах прошлого и настоящего, записывалась терминология (*Писарчик, 1954б*).

Как и в предыдущие годы, подробно изучались верования и обряды. Установлено, что из годовых праздников еще справлялся Новый год (*навруз*), приходившийся на день весеннего равноденствия. В некоторых местах новый год справлялся дважды – первый раз примерно в феврале и вторично в день весеннего равноденствия. Справлялись еще также, главным образом представителями старшего поколения, мусульманские праздники *рамазан* и *курбан*, однако постепенно они утратили былую торжественность.

Джиргитальский этнографический отряд занимался изучением киргизов и живущих попеременно с ними таджиков. Экспедицией были собраны подробные этнографические данные по истории сложения населения, его переселениях, по топонимике, материальной культуре (одежда, пища, жилище), занятиям населения (земледелие, животноводство, промыслы), семейным обрядам (рождение, свадьба, смерть), социальным отношениям в дореволюционное время, народным развлечениям, данные об изменениях культуры и быта колхозного крестьянства в результате установления советской власти и победы колхозного строя. Из иллюстративного материала экспедицией выполнено свыше 300 рисунков (среди которых следует особо отметить работы 1953 г., выполненные М. Р. Габе) и свыше 450 фото (Н. Х. Нурджанов).

После окончания работ по Гармской области сплошное обследование было продолжено в Ленинабадской области – сначала в долине Зеравшана, а затем в северных районах. В 1958–1961 гг. туда была направлена этнографическая экспедиция под руководством М. Р. Рахимова. Были изучены почти все кишлаки долины верхнего течения Зеравшана с его главными притоками Ягноб-Дарьей (в низовьях), Искандар-Дарьей, Фан-Дарьей, Кштутом, Магианом и Фарабом (бывшие Матчинский, Айнинский районы (Фальгар) и современный Пенджикентский). В Зеравшанской экспедиции участвовали М. Р. Рахимов (1958, 1960–1961), З. А. Широкова, А. Давыдов (1958–1961), М. Хамиджанова (1958–1959), Р. Кадыров (1959–1961), Г. Ишанкулов (1960–1961), А. Мардонова (1959–1961), А. И. Соловьева (1960), А. Каримов (1961), Л. Бахтоваршоева (1961), С. Дадабаева (1958–1959) и др.

Среди самых обстоятельных публикаций следует отметить цикл статей, монографии, диссертационные исследования, посвященные разным аспектам изучения традиционной культуры населения Зеравшанской долины. Это труды Н. О. Турсунова, А. С. Давыдова, Е. М. Пещеревой, И. М. Мухиддинова, З. А. Широковой, М. А. Хамиджановой, О. М. Муродова и многих др.

Среди исторических сведений экспедицией записан ряд преданий об Искандаре Зулкарнаине (Александре Македонском), о том, какими путями он якобы прошел до озера, названного его именем, о борьбе легендарного матчинского правителя Ширка с военачальником Искандара Исхаком и о превращении их в камень, о том, почему Матчу называют «*чохи Искандар*» или «*панох джо*» (убежище Искандара), о завоевании арабами долины и вытеснении «неверных» (*кофир*) – согдийцев в горы, о яростной борьбе последних с мусульманами. Зафиксированы многочисленные мазары, где похоронены люди, которых считают погибшими во время столкновений мусульман с согдийцами.

Материалы, собранные экспедицией в 1958–1961 гг., свидетельствуют о том, что основными занятиями населения долины Зеравшана были и остаются земледелие, животноводство и садоводство. Был собран большой материал по обычаям и обрядам, связанным с первой женщиной, с вызыванием и прекращением дождя, с жатвой и т.д., которые имеют некоторые особенности по сравнению с обрядами таджиков Каратегина, Дарваза и Куляба. Экспедиция подробно записала сообщения о способах пахоты и посева, укладки снопов в скирды, способы уборки урожая, молотбы, веяния, а также о стадиях роста и развития зерновых культур. Весной 1961 г. значительный

материал был собран по кустарным промыслам и ремеслам – кузнечному, ткацкому, сапожному, по обычаям и обрядам, связанным с сельскохозяйственными работами, а также по одежде, свадьбе, похоронным обрядам, народному календарю, праздникам и системе мер. Большое внимание было уделено семейному быту горцев. Собранные по этому вопросу материалы убедительно показали те огромные изменения, которые произошли в этой области за годы советской власти. В быт прочно вошли электричество, швейные машины, фабрично-заводская утварь, мебель, постельные принадлежности и многое другое. Возросла роль женщины в семье, хотя главой семьи по-прежнему оставался мужчина. Самые важные перемены произошли благодаря установлению колхозного строя, в создание и развитие которого были вовлечены не только мужчины, но и женщины. Изменения произошли в развитии производительных сил и производственных отношений, в сознании людей, в положении женщин и в семейных отношениях, в материальной и духовной культуре, в быту народа, в средствах и путях сообщения. В кишлаках появились дома европейского типа, электрическое освещение, радио. Стали действовать начальные и средние школы, чайханы-читальни, больницы, амбулатории, медпункты, магазины и т.п.

В 1950–1960-х годах были изданы работы В. Л. Ворониной о жилище, строительстве и архитектуре Таджикистана: «Жилище Ванча и Язгулема» (1951), «Черты архитектуры старого Ходжента» (1956) и «Народная архитектура юга Таджикистана» (1957). А. М. Мандельштам в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию «Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье», где, так же как и в статье «О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье» (1954), он отмечает, что таджики сформировались в период правления Саманидов в IX в. Основными этническими компонентами их были согдийцы, хорезмийцы, тохаристанцы, ферганцы, сакские племена Средней Азии. Публикации Н. Н. Ершова посвящены исследованию погребального инвентаря, традиционной системы водопользования, а также свадебных обрядов таджиков Северного Таджикистана (Ершов, 1952, 1953, 1955).

Исследования начала 1950-х годов акцентируют внимание на изменение жизни и быта таджикского колхозного крестьянства. В частности, Н. А. Кисляков (1952) поставил вопрос о всестороннем исследовании жизни и быта таджикского крестьянства. Чуть позже выходит коллективный труд по исследованию материальной и духовной культуры сельского населения (Ершов, Кисляков, Пещерева, Русаякина, 1954) и статья на близкую тему О. А. Сухаревой «Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии» (1955).

Исследованию традиционной культуры таджиков Ферганской долины посвящены работы О. А. Сухаревой (1954а, 1954б); народным традиционным праздникам равнинных и горных таджиков – работа А. А. Семенова (1953); работы А. К. Писарчик (1953а, 1953б) – народной игре в поло (*чавгонбози*), а также терминам родства и другим аспектам этнографии таджиков.

Развитие этнографической науки в Таджикистане в 1970-е годы стало подниматься на принципиально новый уровень. Меняется само отношение к этнографическим исследованиям. Выходят новые работы молодых таджикских ученых, точнее и полнее фиксируются жизнь, быт, обычаи, об-

ряды и верования таджиков. Сведения о селениях и типах жилищ в Верхнем Зеравшане опубликованы в работе А. С. Давыдова. Старинным обрядам и обычаям таджиков Верхнего Зеравшана посвящена статья А. Л. Троицкой (1971), браку и свадьбе – книга Х.Г. Ишанкулова (1972). Для исторической, в том числе и этнографической, науки этот период знаменателен и тем, что были поставлены новые актуальные вопросы, среди которых важное место заняли проблемы этногенеза таджикского народа. Одной из важных вех на этом пути является фундаментальный труд акад. Б. Г. Гафурова под редакцией акад. Б. А. Литвинского «Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история» (1972), в котором обобщаются данные истории, археологии, этнографии, лингвистики и географии. В работе дается широкая панорама исторических процессов Среднеазиатского региона. Показаны исторические компоненты, вошедшие в состав таджикского народа, исторические пути их развития от древности до современности.

Серьезным вкладом в изучение этнографии таджикского народа стала коллективная монография «Материальная культура верховьев Зеравшана» под редакцией А. К. Писарчик и Н. Н. Ершова (1973). В работе дано подробное описание современного и дореволюционного типа селения, жилищ, одежды и пищи таджиков верховьев Зеравшана. Книга написана сотрудниками сектора этнографии на основе материалов, собранных во время обследования в 1958–1966 гг. и содержит три главы: «Жилище» (А. С. Давыдов), «Пища» (М. А. Хамиджанова) и «Одежда» (З. А. Широкова). Е. М. Пещерной – первой женщине-этнографу, посетившей Матчу в 1920-е годы, посвящена книга М. А. Хамиджановой «Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли» (1974). В ней показано, как за короткий срок произошли громадные изменения в росте материального благосостояния, обеспеченности и в культуре этой небольшой группы таджиков.

В коллективной работе, где приняли участие представители научных учреждений как Таджикистана, так и Туркменистана, Узбекистана, Москвы и Ленинграда, «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии» (1975) обобщены исследования, посвященные верованиям и обрядам народов Средней Азии и Казахстана. Вошедшие в нее статьи О. А. Сухаревой, О. Муродова, В. Н. Басилова, С. М. Демидова и А. Л. Троицкой анализируют шаманизм, весьма широко бытовавший у народов и этнографических групп Средней Азии. Также дается анализ конкретных форм среднеазиатского суфизма. В статьях Б. П. Шишло, С. П. Полякова и А. И. Черемных проводится анализ погребальных культов. Н. П. Лобачева в качестве историко-этнографического источника исследует свадебную обрядность. О. А. Сухарева в этом издании впервые исследовала анимистические воззрения таджиков, доказала существование у них в системе народных верований шаманства, рассмотрев наиболее важные персонажи таджикской демонологии: *дэв*, *албасти*, *аджина*, которые считались «злыми духами».

К отдельным аспектам изучения доисламских верований таджиков исследователи обращались и раньше (работы М. И. Зарубина, М. С. Андреева, А. К. Писарчик, И. А. Кислякова, М. Рахимова, О. Муродова и др.), но в этой книге они получили значительно более обстоятельное освещение.

И. Мухиддинов во время полевых исследований в Горный Бадахшан в 1968–1969, 1970 гг. собрал богатые материалами по высокогорному земледелию, на основе которых им была подготовлена книга «Земледелие Памирских таджиков Вахана и Ишкашима» (1975).

В те же годы публикуется монография Е. М. Пещеревой «Ягнобские этнографические материалы» (1976), где подводятся итоги ее многолетних исследований. Работа состоит из девяти разделов, освещающих: скотоводство, молочное хозяйство, домашний быт и промыслы, свадебные обряды и песни, базары, народную медицину и родильную обрядность. Уникальные материалы собирались автором путем непосредственного наблюдения за жизнью ягнобцев и бесед с информаторами. Они не только не потеряли своей научной значимости, но наоборот, приобрели ценность первоисточника, так как часть ягнобцев давно переселена на равнину, и их прежний быт претерпел существенные изменения.

ОСВЕЩЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ В РАБОТАХ 1980-х ГОДОВ

Этнографическая наука в Таджикистане развивалась по нескольким направлениям. Одним из них является изучение этнического состава всего среднеазиатского региона, где в течение многих столетий шли интенсивные процессы ассимиляции, аккультурации одних этнических образований, консолидации других и общая интеграция в единое региональное историко-культурное сообщество всех населяющих его групп.

Этнографическое изучение таджиков Таджикистана и за его пределами, стало определяющим направлением в исследованиях сотрудников отдела этнографии ИИАЭ АН Таджикистана, а также в научных подразделениях ряда вузов республики и ученых Москвы и Санкт-Петербурга. Крупным событием в научной жизни Таджикистана стало открытие Музея этнографии АН Таджикистана в 1980 г. в городе Душанбе, где были размещены экспонаты, собранные этнографами в течение многих лет. На основе собранных ранее материалов этнографы издают монографии, статьи, сборники. Наука пополняется новыми работами, которые открывали «окошечки памяти» народа к традиционным обычаям, обрядам, ритуалам, занятиям, одежде, пище.

В монографии З. А. Широковой «Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана» (1980) на основе огромного материала, собранного ею в процессе многолетних исследований, рассматривается основной тип и локальные варианты повседневной, праздничной и обрядовой женской одежды, бытующей в горном Таджикистане. Автор прослеживает историю изменения традиционного костюма с конца XIX в. до наших дней, устанавливает ареал отдельных форм и деталей. Привлекаемый сравнительный материал дает возможность выявить экономические и культурные связи таджиков с другими народами, населяющими Таджикистан, а также позволяет наметить границы историко-культурных районов.

В 1981 г. сектор (ныне отдел) этнографии ИИАЭ им. А. Дониша подготовил сборник статей, посвященный памяти советского этнографа Н. Н. Ершова «История и этнография народов Средней Азии». В нем, в частно-

сти, размещена статья А. С. Давыдова «К истории огнестрельного оружия в Средней Азии». Автор доказывает, что огнестрельные оружия распространились в Средней Азии еще в XVI в. Статья О. А. Сухаревой рассматривает историю развития ткацких ремесел в городе Самарканде. Исследование У. Джахонова посвящено традиционному скотоводству населения р. Сох, работа Р. Л. Неменовой – описанию селения Варзоб, М. А. Хамиджановой – обряду обрезания у таджиков Верхнего Зеравшана. В статьях А. Мардоновой, Н. С. Бабаевой, З. А. Широковой, А. К. Разыграевой и О. Муродова исследуются вопросы свадебных торжеств таджиков Файзабада, формы могил у некоторых этнических групп Кулябской области, декоративные вышивки таджиков верховьев Зеравшана, орнаментальные керамические блюда Северного Таджикистана и др.

Одна из основоположников этнографической школы Таджикистана А. К. Писарчик публикует две статьи, посвященные похоронным обрядам таджиков и исследованию вопросов припамирско-кавказских параллелей (*Писарчик*, 1981а, б). О. Муродов совместно с Е. А. Поляковой опубликовал статью «Интерпретация некоторых элементов мифологии в раннем суфизме» (*Муродов, Полякова*, 1981).

Продолжаются исследования отдельных аспектов материальной и духовной культуры таджиков. В сборнике «Жилище народов Средней Азии и Казахстана» (1982) А. К. Писарчик анализирует традиционные способы отопления жилищ в XIX – начале XX в., И. Мухиддинов – традиционные жилища среднего течения р. Вахш, М. А. Хамиджанова описывает жилище Ягнобского ущелья. Работа О. А. Сухаревой «История среднеазиатского костюма: Самарканд» (1982) подробно описывает историю одежды таджиков и узбеков Самарканда. И. Мухиддинов в сборнике «Памироведение» публикует две статьи: первая посвящена особенностям традиционного земледельческого хозяйства населения Памира в XIX – начале XX в., вторая – народному земледельческому календарю этого региона в XIX – начале XX в. (1984б, в). Результатом многолетней работы по изучению различных сторон деятельности и быта таджиков Каратага, который в начале текущего столетия был летней резиденцией гиссарского бека и считался средоточием ремесленной промышленности («*кони касабачо*»), стала монография Н. Н. Ершова «Каратаг и его ремесла» (1984). Народным обычаям и обрядам посвящена статья этнографа М. А. Хамиджановой (1984). В статье М. Рахимова (1984) описываются традиционными обычаями и обрядами, такие как День первой борозды, Праздник урожая и т.п. Он отмечает, что в 1950-е годы наряду с ними, особенно широкое распространение и общественный характер приобрели новые праздники и обряды, чему способствовало изменение быта народа.

В 1985 г. сотрудники отдела этнографии ИИАЭ АНТ совместно с московскими и ленинградскими специалистами подготовили и издали сборник «Этнография Таджикистана», который включил 15 статей. В частности, в статье Е. М. Пещеревой приводится ряд сведений о таджикском жилище в привахшских районах. И. Мухиддинов рассматривает обычаи и обряды, связанные со строительством жилищ у припамирских народностей в конце XIX – начале XX в. О. А. Сухарева исследует ходжентские сузани, которые имели большую

популярность среди населения. Полное описание полученных ею материалов было опубликовано значительно позднее (Сухарева, 2006).

Монография С. И. Исмаилова «Семья и быт» (1988) рассматривает вопросы, касающиеся семьи и быта таджиков, в философском и этнографическом аспектах. Надо отметить крупную научную работу О. Муродова и Е. А. Поляковой «Трансформация мифологических и легендарных образов в таджикско-персидских хрониках XI–XV вв.» (1986). В ней авторы впервые сопоставили собранные в последние годы этнографические материалы с мифологическими и легендарными образами, которые нашли свое отражение в таджикско-персидских хрониках XI–XV вв. В этом же году был подготовлен сборник научных работ, посвященный 2500-летию г. Худжанда. В данный сборник была включена и статья московского этнографа В. И. Бушкова «О населении Худжанда и его округи в последней трети XIX – первой трети XX в.» (1986). В результате кропотливой работы в архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Душанбе и Ленинабада (Худжанда) автору удалось показать состав, динамику численности населения Худжанда и его округи. В 1988 г. в Москве он защитил кандидатскую диссертацию на эту тему, где показал ход сложения современного населения Ленинабадской области, изменение его этнического состава, демографические и миграционные процессы, взаимоотношения и взаимовлияния различных групп населения.

Во второй половине 1980-х годов было защищено еще несколько кандидатских диссертаций. Так, в 1987 г. М. Файзуллаев в Москве защитил кандидатскую диссертацию на тему «Таджики предгорий Северного Таджикистана: Хозяйство и социальная организация», в основу которой были положены полевые этнографические материалы автора. З. Юсуфбекова посвятила свое диссертационное исследование семье и семейному быту шугнанцев в конце XIX – начале XX в.

Конец 1980-х годов знаменателен тем, что в это время начинают изучать группы таджиков, проживающих за пределами Таджикистана. В этом русле лежит работа У. Джахонова «Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в.» (1989). Историко-этнографическое исследование написано на основе обширного нового этнографического материала, письменных источников и литературных сведений. Исследование показало, что таджики-земледельцы жили в этой местности с глубокой древности. В монографии рассматривается система земледелия, способы орошения, агротехнические приемы обработки земли, динамика развития различных отраслей земледелия (полеводство, садоводство, виноградарство, бахчеводство, огородничество), виды и сорта сельскохозяйственных культур, сезонные сельскохозяйственные работы.

А. Э. Негмати одним из первых проводил исследования земледельческих календарных праздников древних таджиков и их предков (1989). В книге дается характеристика многих земледельческих календарных праздников, выявляются особенности и ритуалы каждого праздника и их место в культурной жизни народа. Приведенные в книге сведения показывают богатую культуру таджиков, представления их предков об окружающем мире, характеризуют их культурные ценности.

Сборник «Этнография в Таджикистане» (1989) состоит из 16 статей, посвященных различным сторонам жизни таджиков. Статьи описывают преимущественно семейные обычаи и обряды (рождение ребенка, свадьба, похороны), одежду, верования и историю сложения населения. Большой интерес представляет статья О. Муродова и А. Мардоновой «Некоторые традиционные погребальные обычаи и обряды у таджиков», в которой подчеркивается, что таджики почитают землю, считая ее священной.

Нельзя не обратить внимания на уникальную работу И. Мухиддинова «Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX в.)» (1989б), подготовленную на основе материалов, собранных автором во время полевых исследований на Западном Памире в 1965–1968 и командировок туда в 1969–1970, 1972–1974, 1976–1978, 1980 гг. Автором использован также архивный материал крупного этнографа И. И. Зарубина, хранящийся в Институте древних рукописей РАН (ранее – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) и доступные литературные источники.

Таким образом, можно утверждать, что в советскую эпоху имели место большие достижения в области этнографического изучения Таджикистана. Публикации, вышедшие в 1980-е годы, показывают, что местные этнографы и ученые из центральных городов проделали большую работу в этом направлении. Благодаря им, имеется целый ряд исследований в области изучения отдельных элементов материальной культуры – одежды, жилища, приемов своеобразной земледельческой техники, различных отраслей народных ремесел. Довольно подробно изучены пережитки различных патриархально-родовых укладов, бытовавших у таджиков до Октябрьской революции. Изучены особенности семейного, общественного быта. Особое внимание обращает на себя материал, характеризующий различные народные представления, народные знания, фольклор и изобразительное искусство таджиков. В публикациях определены не только основные задачи таджикской этнографии, но дана и их теоретическая разработка, проведен анализ проделанной работы и выявлены достижения и недостатки исследований, обоснована важность каждого раздела, намечены пути решения имеющихся проблем. Работы, имеющие немало ценных выводов, наблюдений и сведений, до сих пор не потеряли своей ценности. Они успешно используются для дальнейших научных разработок, а также в лекционных программах вузов.

СОСТОЯНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 1990-х ГОДАХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

В 1990-е годы, связанные с распадом СССР и получением Таджикистаном независимости, развитие этнографических исследований несколько приостановилось. Но несмотря на объективные трудности, таджикские этнографы продолжали работать. В том числе и над архивными материалами, над изданием научных трудов. Среди изданных в этот период книг надо выделить работу О. Муродова, «За ширмой чародейства» (1990) где приводится большое количество материалов о таджикской магии. В 1991 г. автор

опубликовал еще несколько работ, основанных на изучении своих этнографических полевых материалов (Муродов, 1991а, б).

Монография видного таджикского специалиста Н. О. Турсунова «Развитие городской и сельской жизни поселений Северного Таджикистана в XVIII – начале XX в.» (1991) посвящена формированию городских и сельских поселений Северного Таджикистана. Автором выявлены исторические этапы их развития, рассмотрена структура поселений, рост их площадей в средневековый период и новое время, исследованы конкретные формы взаимоотношений и взаимосвязей городов и сельских районов. Особенно тщательно автор рассматривает вопросы консолидации, ассимиляции и интеграции различных этнических и национальных групп Северного Таджикистана в изучаемый период. Исследование охватывает территорию, которая в средневековый период была представлена землями Ферганы, Уструшаны и Согда, в новое время – Кокандского ханства и Туркестанского края. Исследование проблем развития городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII – начале XIX в. включает в себя изучение комплекса сложных исторических проблем, среди которых обсуждаются и вопросы социально-экономических отношений и политической жизни населения Средней Азии.

В 1995 г. Н. С. Бабаева опубликовала монографию «Древние верования таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности». В книге рассматриваются представления о смерти и душе; прощание с умирающим, оплакивание, обмывание и предание покойника земле, послепохоронные обряды – ритуальное очищение, поминки, траур. Описываются также и традиции раздела наследства. Двумя годами раньше у автора вышло другое обобщающее этнографическое исследование, посвященное похоронно-поминальной обрядности горных таджиков Южного Таджикистана (1993), где показана общность духовной культуры горных таджиков Восточной Бухары, выявлены пережитки доисламских верований, их генезис и эволюция. В 1993 г. публикуется монография З. А. Широковой «Таджикский костюм конца XIX–XX вв.», где подробно освещается костюм как неотъемлемая часть материальной культуры народа.

В 1990-е годы и особенно во время гражданской войны 1992–1997 гг. финансирование всех научных исследований резко сократилось. Часть специалистов уехала из страны, стали практически невозможными полевые исследования. Поэтому характер этнографической работы изменился: авторы больше внимания стали уделять анализу, обобщению и публикации ранее собранных материалов, работам в архиве, музейной деятельности. Так, в 2000 г. Р. Неменова и А. Мардонова издали исследование «Историко-этнографическое изучение Гиссарского края», где приведен материал по истории, лингвистике и этнографии. В 2005 г. выходит в свет посмертно изданная книга А. Давыдова «Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира)», ответственным редактором и автором предисловия которой стал академик Р. Масов. В 2005–2006 гг. по заданию администрации Президента Таджикистана этнографы ИИЭА АНТ З. Маджиджанова, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева проводили сбор этнографических экспонатов для создания Музея под открытым небом в саду «Ирам» г. Душанбе. Несколько позже З. Юсуфбекова публикует книгу «Семья и се-

мейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX в.)» (2015), где представлен богатый материал по семейным традициям и ритуалам, сохранившихся в жизни населения Западного Памира.

В 2007 г. усилиями целого коллектива авторов при содействии Международного института по изучению цивилизации Центральной Азии ЮНЕСКО был издан «Атлас художественных ремесел и промыслов» (Tajikistan, 2007). В сотрудничестве с коллегами из стран СНГ Л. Додхудоева подготовила материал по культуре таджиков для двухтомной монографии «Очерки истории исламской цивилизации» (2009). Были созданы альбомы «Народное искусство Памира» (Юнусова, Додхудоева, 2009) и «Народное искусство Таджикистана» (Масов, Юнусова, Додхудоева, 2011). А. Валиев в 2018 г. подготовил подробный обзор этнографических исследований за 100 лет с 1918 по 2017 г. (Валиев, 2018).

В настоящее время Отдел этнографии ИИАЭ АН РТ ведет работу по следующим направлениям: историко-этнографическое изучение культуры населения Таджикистана и таджиков за его пределами; освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX – начало XX в.); изучение этнографического наследия, в том числе и в процессе проведения полевых исследований в разных регионах. Проводится систематизация и компьютеризация этнографического архива, где хранится богатейший материал по повседневной жизни дореволюционного и советского Таджикистана. Архив включает информацию о семье и семейном быте, скотоводству, земледелию, ремеслам и промыслам, жилищу, ритуалам и обрядам, одежде, традициям, народному театру, музыке, орнаменту и др. разделам как по таджикам, так и по другим народам, живущим в Республике. Планируется создание цифрового каталога материалов архива и его публикация (Додхудоева, 2014. С. 242–243).

СРЕДА ОБИТАНИЯ

В формировании таджикского этноса немаловажную роль сыграло географическое положение Центральной Азии. На этой огромной территории, как в горах, так и на равнинах, проживают таджики. Согласно данным русских исследователей XIX–XX вв., их поселения на севере региона достигали 41,5 параллели на западе (в Самаркандской области) до 37 меридиана на юге (занимая почти всю территорию Афганистана), до 36 параллели (почти до границы Индии) и на востоке (в Синьцзян-Уйгурской Автономной области Китайской Народной Республики) до 53 меридиана.

Ираноязычное население в междуречье Амударьи и Сырдарьи, а также в долине р. Тарим на востоке Центральной Азии, представляли значительную часть населения. Кроме земледельцев, проживавшие здесь группы, известные как скифы, массагеты, саки и др., по греческим античным источникам, имели общий арийский корень. Поселения этих народов на западе Центральной Азии существовали издревле. Древнейшие государства начала I тыс. до н.э. на этой территории были известны как Бактрия и Согдиана, а жившие там люди являлись предками современных таджиков. Бактрия за-

нимала Центральную, Южную и Восточную части современного Таджикистана, а Согдиана – территорию долины рек Зеравшан, Кашкадарья и предгорий Гиссарского хребта.

В настоящее время таджики заселяют Центральную Азию неравномерно. Например, в Ташкентской области они живут в верховьях р. Чирчик и Ангрен, где также имеются отдельные поселения узбеков. Непосредственно к востоку к долинам этих рек примыкает горная часть Наманганской области, где таджикские кишлаки также перемежаются узбекскими и киргизскими. В самой Ферганской долине таджики рассеяны по всем городам и живут совместно с узбеками и другими народами. Основными таджикскими ареалами в Узбекистане являются Бухарский оазис (города Бухара, Гиздуван, Ромитан и др.), Самаркандский оазис (Самарканд и его окрестности), Ферганский (Сох, Чуст, Риштан, Касансай), Сурхандарьинский (Байсун, Дербент, Сариясиё). Среди таджикских поселений Наманганской области самыми древними считаются Акси, Касансай и Чуст.

В Афганистане, будучи потомками древнего иранского населения, таджики расселены по всей стране. Они занимаются земледелием и превосходят другие народы своей численностью. Таджики составляют большинство в северо-восточных и западных провинциях этой страны: Балхе, Тахаре, Герате, Бадахшане, Парване, Панджшере, Баглане, Канисе, Бадгисе. Наиболее населенными таджиками провинциями Афганистана также являются Хульм, Кундуз и др.

В Пакистане насчитывается более миллиона персоязычных жителей, сосредоточенных прежде всего в больших городах (Пешавар, Лахор, Равалпинди, Карачи). Здесь также проживает 200 тыс. таджикских беженцев из Афганистана.

Таджики также рассеяны и на территории северо-западного Китая, в основном в Синьцзяне. Как писал А. Шишов, в Кашгарии, в долинах Ташкуртана, Тагарма, Вачи, Мариона и по Яркенд-Дарье от Мариона до Косараба оседло живут таджики или сарыколы, как они называют себя сами (*Шишов*, 1910. С. 23). Смешанность таджиков с тюркоязычным населением особенно заметна в таких городах, как Кашгар и Яркенд. Но главная масса таджикского населения сохранилась в неприступных горах, окружающих Кашгарию с запада и юго-запада (*Куропаткин*, 1879. С. 24–25).

Согласно историческим данным, объединение таджиков происходило еще в государстве Саманидов. В IX–X вв. в состав этого государства входили крупные историко-культурные области Мавераннахра и Хорасана (территория к юго-западу от Амударьи), где проживали таджики. При правлении Саманидов города Бухара и Самарканд были крупнейшими центрами развития ремесел и торговли, а также науки, литературы и искусства. Торговля велась с Юго-Восточной Европой, Древней Русью, Кавказом, Прибалтикой, Ираном, Китаем, Индией и др. странами.

В период государства Саманидов завершился процесс сложения таджикского народа. По мнению таджикского ученого Кандила Джураева, в силу географической изоляции и ряда исторических и социально-экономических причин таджики Припамирья оказались в X в. на периферии этой территории (*Джураев К.*, 2002). Формирование таджикского этноса тесно связано

с особенностями таджикского языка. В культуре и языке населения Западного Памира до сих пор прослеживается влияние Тохаристана. Об этом говорит сохранение восточно-иранских, бактрийских языков или его диалектов (шугнанского, рушанского, язгулемского и ваханского).

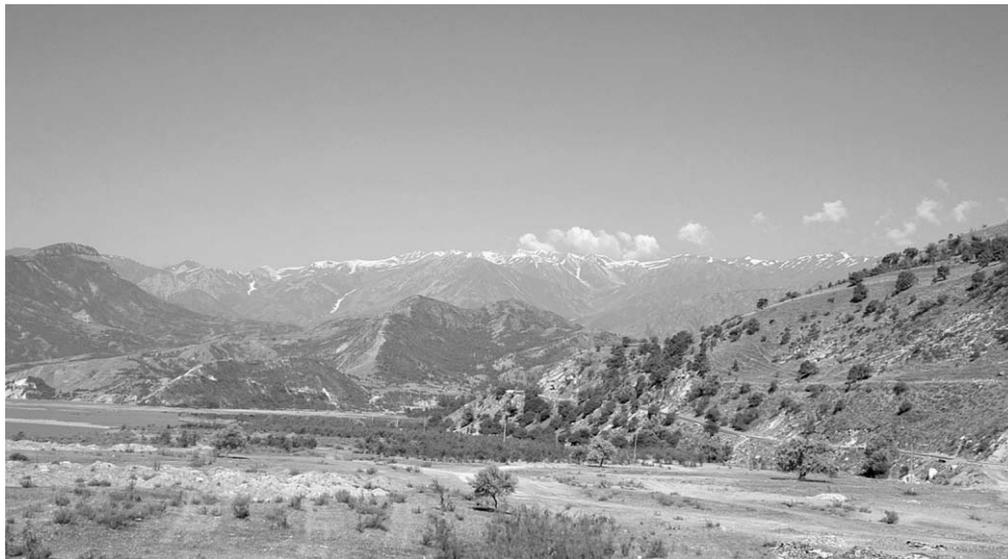
С X по XVI в. таджики постоянно проживали на значительно более обширной территории чем та, которую они занимают сейчас. Однако в результате военных вторжений тюрко-монгольских завоевателей, на заселенных ими территориях были последовательно созданы государства Караханидов, Газневидов, Гуридов и Тимуридов. После национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г. была образована Таджикская АССР. В те годы молодая республика смогла мобилизовать огромную массу трудящихся на освоение Вахшской долины. С этой целью только в 1926 г. из горных регионов были переселены 556 семей в Вахшскую долину. Основная масса переселенцев (мигрантов) были из Гармской (340 семей), Кулябской (146 семей) областей и Ферганской долины (70 семей) (*Абулхаев, Дустов*, 2001. С. 89). Таким образом, с 1926 по 1929 г. общее число переселенцев составляло 15 826 семей (Там же. С. 90).

В 1929 г. Таджикистан после присоединения северных районов современного Таджикистана был преобразован в Союзную республику. После обретения независимости (в 1991 г.) Таджикистан в нынешних границах был объявлен суверенным государством. Однако гражданская война стала причиной миграции части населения (особенно русскоязычного) в другие регионы и государства. В то же время постепенно стали возвращаться на Родину беженцы из Афганистана.

Границы нынешнего Таджикистана очень извилисты. Они формировались на протяжении многих десятилетий. Восточная граница с КНР установлена по Сарыкольскому хребту в 1894 г. Граница с Узбекистаном начинается на юго-западе, в долине реки Амударьи, и идет в северо-восточном направлении к перевалу Хазрати Бобо на хребте Бабатаг. Северные границы с Узбекистаном и Киргизией были проведены в 1925 г. Южную границу Таджикистана с Афганистаном на большей части ее протяжения образует долина реки Пяндж. На юго-востоке лишь узкая полоска (65 км) афганской территории отделяет ГБАО от Индии.

Особенности природы Таджикистана определяются его положением вдали от океанов, в зоне пустынь Евразии. Несмотря на общий засушливый характер климата, горы обуславливают необычайное для этих широт разнообразие.

Климатические условия. Таджикики живут в условиях равнин, долин и гор при всевозможных климатических колебаниях. Географическое положение республики во внутренней части Евразии определяет две основные особенности его климата: резкую континентальность и засушливость. В то же время Таджикистан по строению поверхности является типичной страной гор и одной из самых высокогорных республик на постсоветском пространстве. Сложность орографии, резко расчлененный рельеф, мощные горные хребты, покрытые вечным снегом и льдом, определяют многообразие климатических условий и обуславливают вертикальную поясность климата (Таджикистан..., 1982. С. 132).

Горы Каратегина. Фото М. Г. Никифорова, 2017 г.

Формирование климата Таджикистана происходит в результате взаимодействия ряда климатообразующих факторов. Среди них наиболее существенное значение имеют географическое положение, рельеф, солнечная радиация, циркуляция атмосферы.

Особенность географического положения заключается в том, что Таджикистан расположен на юго-востоке Центральной Азии, вдали от морей и океанов, поэтому здесь так сильны сезонные и суточные колебания метеорологических элементов. В зимнее время Средняя Азия находится под воздействием холодных воздушных течений сибирского антициклона. Они распространяют свое охлаждающее влияние главным образом на Туранскую неизменность, тогда как территория Таджикистана в значительной степени защищена от них горами. Особенно хорошо укрыта с севера от холодных ветров самая южная часть Таджикистана – долина Пянджа и Амударьи, нижние части Вахша, Кафирнигана и Сурхандарьи.

Южное расположение республики ($36\text{--}42^\circ$ северной широты) определяет величину солнечной радиации и продолжительность вегетационного периода. Суммарная годовая солнечная радиация составляет по вертикальным поясам $51\text{--}176$ ккл/см², продолжительность солнечного сияния в среднем за год колеблется от 2097 до 3166 часов, поэтому длительность теплого (вегетационного) периода изменяется от 195 до 315 дней. Это обуславливает выращивание здесь наиболее теплолюбивых (цитрусовых и субтропических) культур, а также получение нескольких урожаев в год.

Термические ресурсы создают хорошие условия для возделывания зерновых (особенно пшеницы) и технических культур (хлопок), риса, бахчевых, овощей, фруктов и винограда. Здесь произрастают масличные культуры, а также гранат, инжир, хурма и другие субтропические культуры. К сожалению, наиболее полное использование термических ресурсов затрудняется